

Ипатьевского, то Шахматов об этом выражается так: „составитель... свода..., именуемого Ипатьевскою летописью, не принял на себя труда расположить материал Галицко-Волынского свода по годам: годы, имеющиеся в Ипатьевском списке, появились позже, в этом отношении Хлебниковский список, где нет почти годов в соответствующей части летописи, представляется более архаичным, хотя имеются некоторые основания для предположения, что некоторые годы читались уже на полях общего для Ипатьевского и Хлебниковского списков оригинала“ (ibid., V).¹ К Хлебниковской летописи примыкают, как простые копии с нее, списки Погодинский 1621 г., Краковский,² списанный непосредственно с Погодинского в конце XVIII в., и Ермолаевский (конца XVII — начала XVIII в.), в котором текст Хлебниковского списка дополнен и исправлен по особому своду.

Обратимся теперь к наблюдениям Шахматова, вышедшим в свет в 1916 г. и опубликованным в 1917 г. в 29-м выпуске „Летописи занятий Археографической комиссии“, под заглавием „Повесть временных лет. Том I. Вводная часть. Текст. Примечания“.

Южно-русский летописный сборник XIV в. — оригинал Ипатьевской и Хлебниковской летописей — по содержанию последовательно распадается на следующие три части:³

1. Повесть временных лет, доведенная до статьи 6625 (1117) г. включительно.

2. Киевская по преимуществу летопись в соединении с общерусским летописным сводом начала XIV в., доходившим до 1305 г. и составленным во Владимире (Суздальском) по распоряжению митрополита Петра (XLVII),⁴ и с другими местными летописями, — в части от 1118 до 1199 г.

¹ М. Д. Приселков (История русского летописания XI—XV вв., Л., 1940, стр. 55) так объясняет отсутствие хронологической сети в протографе Ипатьевской летописи: „Самая манера построения исторического повествования без летописной сети годов весьма напоминает нам обычную в Византии форму исторических повествований императорских историков, из трудов которых, хотя и немногочисленных за время русского подчинения Византии, ни один не был переведен на русский язык“. Объяснение, предлагаемое Л. В. Черепнинным („Летописец Даниила Галицкого“. Исторические Записки, № 12, 1941, стр. 231), не отличается четкостью: „... достаточно убедительным является предположение о том, что протограф Ипатьевского, Хлебниковского, Ермолаевского и Погодинского списков Летописца Даниила Галицкого представлял собой не погодную запись событий, а летописный свод в виде цельного повествования“. В этих словах неясно противопоставление погодной записи событий летописному своду.

А. А. Шахматов в „Обзрении русских летописных сводов XIV—XVI вв.“ (М.—Л., 1938, стр. 103—118) рассматривает Хлебниковский список отдельно как особую летопись. В главе, посвященной ему, А. А. Шахматов, ссылаясь на проставленную на полях Хлебниковского списка хронологическую дату перед рассказом о Батыевом нашествии, сохранившуюся в Ипатьевском списке в тексте, указывает на возможность и другого предположения, согласно которому годы были проставлены в их общем протографе (стр. 103).

² Литературу о Погодинском Краковском и о пропавшем Перемышльском списках см. у В. С. Иконникова. (Опыт русской историографии, т. II, кн. I, стр. 289—290, 431—432, 590), а также у М. Д. Приселкова (История русского летописания XI—XV вв., Л., 1940, стр. 45—47). Издания Ипатьевской летописи, вышедшие в 1908 и 1915 гг. под редакцией А. А. Шахматова, имеют в предисловии анализ списков и характеристику их соотношения.

³ М. Д. Приселков в „Истории русского летописания XI—XV вв.“ (стр. 46) определяет время составления свода, легшего в основу Ипатьевского и Хлебниковского списков, началом XIV в., а в исследовании о Лаврентьевской летописи (Ученые Записки Ленингр. Гос. университета, № 32, серия исторических наук, вып. 2, Л., 1939, стр. 82 и др.) — концом XIII в.

⁴ М. Д. Приселков (История русского летописания XI—XV вв., стр. 46 и др.), как и некоторые другие исследователи, категорически отрицает существование этого общерусского митрополичьего свода начала XIV в.